

ВЕЧЕРНІЕ ЧАСЫ,

или

ДРЕВНІЯ
СКАЗКИ

СЛАВЯНЪ

ДРЕВЛЯНСКИХЪ

ЧАСТЬ VI.

МОСКВА,

Въ Типографіи Компаніи Типографической,

съ Указнаго дозволенія,

1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

В Е Ч Е Р Ъ LXI.

Продолженіе похода Судисла- вова.

Побѣгъ Форгасовъ, продолжалъ Станобой, произвелъ въ Полянѣ великой шумъ; Бурносилъ казался бытъ онымъ чрезмѣрно раздраженъ, и прилагалъ всякое стараніе о его поимкѣ. По щастію не имѣли на меня подозрѣнія; однакожь хотя я и уповалъ, но не пріобрѣлъ къ себѣ довѣренности моего Князя, ксею онъ никого изъ насъ не удостоилъ.

Княгиня препровела четыре года въ крайнемъ уныніи, которое наконецъ ее въ гробъ повергло; и не извѣстно, проникла ли она,

кто именно былъ причиною печальнаго съ нею приключенія.

Ничто не могло быть сравнено съ печалію Князя *Бурносилъ*: въ самой древности не можно сыскать тому примѣровъ; онъ лишился совсѣмъ разсудка, даже когда и сынъ его подходилъ къ нему, убѣгалъ онъ его притутствію. Стократно покушался онъ лишиться себя жизни, когдабъ попеченія наши его не отвращали. Князь, тещь его, раздѣлялъ съ нимъ горестъ нѣжнѣйшимъ образомъ, и часто плакали они съ нимъ какъ бы спорясь. Уединеніе *Бурносилово* продолжалось цѣлый годъ; наконецъ Князь *Полянн* едва убѣдилъ его выйти на свѣжій воздухъ въ придворной садѣ. Юный *Закоміръ* попался ему на встрѣчу: красота и ласки сего любезнаго дитяти произвели въ немъ таковое впечатлѣніе, что съ того времени не помышлялъ онъ объ иномъ, какъ только о возвышеніи своего сына, и нѣжность привела его сердце къ величайшему честолюбію. Страсъ эта послѣ печали вступила съ таковымъ жаромъ, что всѣ другія преодолѣла, и поднесъ еще имъ владѣетъ.

Какъ престолъ *Полянн* былъ ненаслѣдственный, но избирательный, слѣдственно на оной ни *Бурносилъ*, ни сынъ его, не могли имѣть вѣрной надежды: по чему и обратилъ онъ глаза свои на Болгарскій. Объявляш

ятой честолюбивыми мыслями, *Бурносиль* началъ избраніе Князя родителя своего, въ разсужденіи брата его *Сердолюба*, считать несправедливымъ, коего въ разсужденіи слабого смысла полагалъ къ тому недостойнымъ. И шакъ предпріалъ онъ какимъ нибудь средствомъ отвести его съ наслѣдства; и чтобъ удобнѣе въ томъ шрудиться, предложилъ онъ Князю *Поянн*и шестю своему о необходимости послѣ таковаго долгаго отсутствія возвратиться къ Двору родителя своего. Онъ получилъ желаемое; шестъ его оказавъ ему великіе знаки нѣжнѣйшей любви, позволилъ ему отѣхашъ, снабдивъ по царски всемъ нужнымъ для путешествія. — Впрочемъ, сказалъ *Станобой*, желавшіе окончить свою повѣсть, не удивляйтесь о подробностяхъ разсказываемаго мною приключенія; я по всякой вечеръ записывалъ то, что мнѣ днемъ встрѣчалось: сія помощь съ того времени, какъ я учинился первымъ *Болриномъ*, оказываетъ мнѣ добрыя услуги.

Мы проводили, продолжалъ онъ, *Бурносила* и сына его до сего Двора, гдѣ они приняты съ ошмѣнною милостію со стороны нашего Государя. Князь, *Бурносиль*, старался сперва склонить въ свою пользу родителя своего ласканіями, въ которыхъ проводилъ онъ цѣлые два года. Но видѣвъ, что шпранія его тщетны, началъ онъ прі-

обрѣшашъ на свою сторону сообщниковъ. Онъ ласкаше и шоввалъ дворянству и черни, коихъ называлъ себя защитникомъ. Когда появилась онъ при Дворѣ, толпа придворныхъ его окружала, коя казалась бытъ совѣтъ ему преданною. Таковая пышность нане-
ла Князю родителю его боязнь о томъ, не предпріемлетъ ли онъ чего прошивъ его особы, и Государь сдѣлалъ мнѣ милость открытъ о своемъ безпокойствѣ.

Вскорѣ по возвращеніи Князя *Бурносила* въ Волгары Государь оказалъ мнѣ честь возвысить меня въ первые свои бояра; долгъ и благодарность прилѣпили меня навѣкъ къ пользамъ и намѣреніямъ моего Монарха. Оный удостоилъ меня всей своей повѣренности, а я употреблялъ всевозможное стараніе и хитрости опирающаго намѣренія *Бурносиловы*, кои ослабленнаго старостію родителя его повергали въ страхъ.

Во время всѣхъ таковыхъ движеній Князь *Сердолюбъ* пребываетъ спокоенъ, и знаетъ, что его щастіе волею его родителя совершенно утверждено; и что никакое препятствіе не можетъ лишить его наслѣдованія престола, когда уже во всей Болгаріи эту честь ему ошдають. — —

Въ таковомъ-то положеніи, сказалъ *Станобой*, находишся нынѣ Дворъ Волгарскій, и на семь-то должны мы основать
всѣ

всѣ наши намѣренія. *Зименъ*, выслушавъ съ великимъ вниманіемъ его повѣствованіе, сказалъ: я усматриваю, что нравъ Княжича сего для намѣреній нашихъ полезенъ; я принимаю также, что сердце его легко можетъ покориться любви и честолюбію. Чего не можемъ мы ожидать, когда соединимъ въ немъ обѣ сіи спрасци? Но какъ сдѣлали вы мнѣ описаніе о своемъ Дворѣ, учиня я крашкое начертаніе и объ нашемъ.

Король Агафирскій отъ супружества съ сестрою моею имѣетъ двухъ дочерей, которыя по силѣ утвержденного всемъ народомъ закона состоятъ наслѣдницами короны; понеже Королева не родилъ уже четырнадцатъ лѣтъ: нѣтъ по тому надежды къ рожденію другихъ наслѣдниковъ. Младшая изъ Королевицъ, по имени *Зарина*, едва только выстуцнавъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, оказываетъ въ себѣ отмиѣнную остроту и живость разума; но *Серцерада*, старшая ее тремя годами сестра, также остроумна и оказываетъ въ себѣ великія способности. Не предстоитъ мнѣ нужды въ описаніи красоты ея; вы можете разсмотрѣть оную въ семъ портретѣ, писанномъ славнѣйшимъ *Балинскимъ* живописцемъ, и которой получалъ я отъ сестры моей.

Станобой взялъ портретъ изъ рукъ *Зименовыхъ*, и разсматривалъ оной съ великимъ

кимъ удивленіемъ. Симъ прекраснымъ орудіемъ, сказалъ *Зименъ*, хочу я возпалить любовь въ вашемъ Князѣ, когда при томъ подамъ ему несомнительную надежду къ наслѣдованію престола, къ которому онъ нынѣ единственнсе оказываешь стремленіе.

Въ ту минушу принесли къ *Станобой* письмо отъ богатаго купца Агафирскаго, съ которымъ имѣлъ онъ торговую переписку; онъ прочелъ и вскричалъ: о Небо! какое печальное извѣстіе! — Что такое васъ поражаетъ? спросилъ *Зименъ*. Самое то письмо, отвѣчалъ бояринъ, которое больше до васъ, чѣмъ до меня касается; я не осмѣюсь почти показать онаго вамъ. — Ахъ! не скрывайте отъ меня ничего; когда уже единжды (продолжалъ *Зименъ*) мысль занята ненавистію и мщеніемъ, и когда кто свергнуть съ высочайшей степени величія чиновъ въ прахъ и грязь, того ничто уже поражать не можетъ. — Такъ, отвѣчалъ *Станобой*, вы конечно окажете себя нечувствительнымъ, когда извѣстіе это васъ не тронетъ. *Зименъ* взялъ письмо изъ рукъ его и челъ слѣдующее:

„Нынѣ находясь здѣсь всѣ въ шакомъ смятеніи, что я не могу послать къ вамъ никакихъ щетовъ. За три дни предъ симъ Королева, имѣвшая прогуливаться,

ся,

„ся, разбита съ горы лошадьми; при чемъ
 „колесница опрокинулась, Королева при томъ
 „получила столь жестокой ударъ, что при
 „часа спутивъ, снѣ онаго скончалась. Съ
 „того времени Король находится внѣ себя,
 „и не оказываетъ ниаго движенія, развѣ
 „когда впадаетъ въ бѣшенство, которое
 „не прежде его оставляетъ, какъ дочь его
 „Серцерада, неоступно при немъ находя-
 „щаяся, употребивъ нѣжныя старанія ко
 „укрощенію его. Сія удивленія достойная
 „Королева, имѣющая больше способности,
 „нежели бы по лѣтамъ ея требовать мож-
 „но, обращаетъ примѣчаніе свое и на дѣ-
 „ла Государственныя, не терпяща отсроч-
 „ки, между тѣмъ, какъ другія остаются
 „внѣ дѣйствія къ великому вреду Короле-
 „вой особы. Мѣсто Государственного пра-
 „вителя еще не занято, и одинъ изъ лю-
 „бимцевъ Королевскихъ управляетъ только
 „должностію онаго. Здѣсь совѣтъ не из-
 „вѣстенъ о произходящемъ съ прежнимъ пра-
 „вителемъ, ксперой оставилъ дѣла въ та-
 „ковомъ безпорядкѣ, что почти попра-
 „вить не лзя. Мы претерпѣваемъ очень мно-
 „го и воздыхаемъ подъ бременемъ. Въ та-
 „ковыхъ печальныхъ обстоятельствахъ про-
 „стите мнѣ, что я молчу. Челомъ быю предъ
 „вашимъ высокимъ достоинствомъ. — и про-
 „чал. „

Должно признаться, сказалъ *Зименъ* вздохнувъ, что это случай жестокой. Королева сестра моя достойна была лучшей участи; я сожалею объ ея кончинѣ. Однакожь происшествіе это полезно для нашего измѣренія; чрезъ оное получаю я больше свободы, и нещастіе, избрѣшенное мною жонѣ неблагодарному отечеству, не столько будетъ безпокоить сердце мое. *Станобой* сколько изумленъ былъ хладнокровіемъ жестокаго *Зимена*, что естли бы не требовали Государственныя пользы, конечно оспаривалъ бы сторону злаго сего человѣка.

Начнемъ опять съ того мѣста, сказалъ *Зименъ*, гдѣ мы остановились. Самой томъ любимецъ, которой ничто иное былъ, какъ подлый невольникъ, привелъ меня у Короля въ немилость; когда не получилъ онъ великую сумму денегъ, выпрошенную имъ у Короля, началъ онъ стараться о мщеніи мнѣ. Я сдѣлалъ представленіе въ разсужденіи безпорядка великихъ жалованій, и оное тогда было принято. Корыстный любимецъ, видя себя обмануша въ надеждѣ, клялся меня свергнуть, и трудился въ томъ тайно, получилъ успѣхъ. Меня лишили даже способовъ къ оправданію. Однакожь это дѣло прошедшее, должно помышлять о поправленіи оного, и къ тому

я въ двухъ словахъ покажу средства, кои кажутся мнѣ быть вѣрнѣйшими.

Серцерада, племянница моя, продолжалъ *Зименъ*, чрезъ кончину родительницы своей учинилась законною наслѣдницею Агафирской короны; должно не упуская времени свашать оную за котораго нибудь изъ вашихъ Княжичей. Если дѣло кончится добрымъ образомъ, желаніе *Бурносиллово* совершится, и старой Князь вашъ успокоится: но когда въ противномъ случаѣ откажъ получимъ (чего я по нѣкоторымъ обстоятельствомъ, о которыхъ шотчасъ объявлю, ожидаю), тогда причина къ войнѣ, и можно вооруженною рукою изтребовать согласіе Короля Агафирскаго и его дочери. Много есть причинъ къ оправданію таковаго предпріятія, но прежде всего надлежитъ стараться о томъ, чтобы *Бурносиль* влюбился въ *Серцераду*. Когда это удастся, не останется сомнѣнія о добромъ успѣхѣ. — Испытаемъ, сказалъ *Станобой*; однако сомнѣваюсь я, чтобы сердце его могли побѣдить ея прелести.

Разположеніе и мѣры *Зименовы* казались *Станобою* очень хорошими; но онъ разсматривалъ разположеніе это лишь съ поверхностности. Я извѣщу о семъ, сказалъ онъ съ удовольствіемъ, моему Государю, и надѣюсь, что онъ будетъ на то согласенъ; но прежде

де нежели что либо предпріиму, должно мнѣ удостовѣриться. Старый Князь обрадовался, нашедъ предлогъ къ удаленію сына своего *Бурносила* отъ Двора Болгарскаго; онъ обѣщалъ стараться о произведеніи предпріятія сего въ дѣйство; оба Вельможи имѣли по сему дѣлу частые съ нимъ переговоры, и все было разположено.

Зимена считали тогда при Дворѣ Болгарскомъ только за иностранца, друга верховнаго боярина ихъ, и тѣмъ больше, что скрывалъ онъ себя подъ ложнымъ именемъ *Милафа*. Онъ жилъ у *Станобоя*, и только съ нимъ при Дворѣ являлся; чрезъ разумъ свой и пріятности вскорѣ онъ снискалъ знакомства, и старались снискать къ нему благосклонность Князя *Бурносила*. Въ этомъ оказались затрудненія: привязанность *Милафова* къ *Станобоею* внушала въ Князя сего подозрѣніе, когда *Милафъ* осмѣлился просить у него дозволенія о тайномъ переговорѣ; ему надлежало открыться и учинить весьма опасное для себя предложеніе; однакожь онъ сдѣлалъ оное, и смѣлость его была для него удачнѣе, нежели чаялъ.

Нѣкоторая надежда къ престолу долженствовала необходимо воздвигнуть честное любіе сего Князя, и портретъ Королевни въ рѣшилъ его къ тому совершенно. Изображеніе красоты поколебало его сердце; но
ког-

когда бы онъ и самъ въ *Серцераду* не влюбился, пользы сына поощрили столько, что онъ *Зимену* общалъ въ случаѣ щастливаго успѣху все шѣ достоинства, кои имѣлъ онъ прежде. Не станемъ медлить, сказалъ *Бурносилъ*; мы поговоримъ объ томъ съ моимъ родителемъ, и постараемся приобрести его ко мнѣ милость; за такую высокую цѣну я на все отважусь. Прежде нежели онъ предпріалъ то, подалъ ему *Зименъ* начертаніе сего предпріятія; оное разположено было человѣкомъ остроумнымъ и краснорѣчивымъ, такъ что *Бурносилу* нечего въ немъ было поправлять: и такъ во всемъ стремленіи жару своего пошелъ онъ въ чертоги родителя своего.

Старый Князь забылъ о преступленіи сына своего, и принялъ его съ таковою милостию, что онъ былъ шѣмъ шронутъ. Онъ стыдился своей неосторожности, бросился къ ногамъ родительскимъ и живо изобразилъ свое раскаяніе. Встанъ сынъ мой, сказалъ ему Князь: я вѣрю, что оное происходитъ отъ сердца, и вы увидите слѣдствія моей къ вамъ нѣжности, которая удерживалась только до вашего исправленія. Послѣ такихъ строгихъ объясненій между родителемъ и сыномъ совѣшовано о предстоящемъ дѣлѣ. Князь Болгарскій и сынъ его льстили себѣ неложнымъ успѣхомъ.

Ста.

Становой былъ въ задумчивости; и наблюдалъ глубокое молчаніе; его беспокоило припомнутое *Зимномъ*. Всемилоstinивѣйшій Государь! сказалъ онъ Князю: *Зименъ* мнѣ говорилъ, что Королевна можетъ воспрошиться дать свое согласіе; не повелите ли Ваше Величество, чтобъ онъ въ присутствіи, Вашемъ объяснилъ къ тому причины. Князь одобрилъ это, и *Зименъ* былъ призванъ.

В Е Ч Е Р Ъ LXII.

Онъ не раздумалъ открыть Князю объ обстоятельствахъ Королевы *Серцерады*. Всемилоstinивѣйшій Государь! сказалъ онъ, Королевна считаетъ, что обрученіе ея на Князя *Судислава* ненарушимо, когда уже на чешыре года предъ симъ положено оное на мѣрѣ. Этому юный Князь, сынъ дальняго родственника Королевскаго, осиротѣвъ въ дѣтствѣ, взявъ ко Двору Агафирскому для воспитанія вмѣстѣ съ сею Королевскою дочерью; она была тогда двухъ лѣтъ, а онъ пяти. Съ возрастомъ утверждалась взаимная ихъ другъ ко другу склонность, которая столько была сильна, что они ни на мину-
ту

ту не могли разлучаться. Обхождение ихъ казалось невинно до совершенія Королевиѣ двѣнаццати лѣтъ ; съ того времени обычаи страны нашей не позволили *Судиславу* вольно съ нею обходиться, и Король перевелъ его въ особливые покои Дворца своего для изученія въ воинскихъ и богатырскихъ упражненіяхъ.

Хотя *Серцерада* весьма арѣлый умъ имѣетъ, но не могла привыкнуть къ отлученію своего любовника. Хотя старалась скрывать свое огорченіе, но задумчивость ея то измѣняла. *Судиславъ* также безпокоился, и воздыхалъ объ одной только *Серцерадѣ*. Таковое постоянство шло на пользу Короля ; онъ ускорилъ ихъ соединеніемъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чшобъ Князь отправился путешествовать, и препровелъ два года въ осмотрѣніи вѣстныхъ Славянскихъ и прочихъ Дворовъ, дабы въ это отсутствіе слабость здоровья *Серцерадина* поправилась. Повелѣніе сего роду показалось обонимъ влюбленнымъ очень строго, однакожь изъ почтенія воли Королевской оному подверглись.

До отбѣда *Судиславова* брачный договоръ торжественно и со всеобщю радостію подписанъ. Любовники разставаясь, клялись другъ другу вѣчною вѣрностію. Князь отбѣхалъ подъ именемъ скрытымъ ко Двору великаго Князя Русскаго, и провелъ при ономъ